

Сакова Мария Васильевна

Магистрант

Направление: Юриспруденция

Магистерская программа: Уголовный процесс, криминалистика и судебная экспертиза, теория оперативно-розыскной деятельности

Производство о применении принудительных мер медицинского характера

Аннотация. В статье анализируются нормы уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации в части правового регулирования производства о применении принудительных мер медицинского характера и отмечаются имеющиеся недостатки в этой области, которые затрудняют работу правоохранительных органов и суда. Автор статьи предлагает меры, совершенствующие правовые основы процессуальной деятельности производства о применении принудительных мер медицинского характера.

Ключевые слова: невменяемый, уголовное дело, преступление.

Психическое состояние гражданина, совершившего уголовное преступление, имеет исключительное значение для решения вопроса о привлечении его к уголовной ответственности и наказания, а также для установления процессуального порядка производства по уголовному делу. На основании ст. 19 УК РФ уголовной ответственности подлежит лишь вменяемое физическое лицо.

Отмечается, что особый порядок производства о применении принудительных мер медицинского характера регламентирован не только статьями гл. 51 УПК РФ [1]. Соответствующие нормы также зафиксированы в иных статьях – ст. ст. 10, 29, 49 – 51, 109, 128, 129, 133, 136, 151, 162, 163, 195, 196, 203, 208, 237, 238, 253, 308, 352, 397 УПК РФ.

Принятие Пленумом Верховного Суда РФ Постановления от 07.04.2011 № 6 «О практике применения судами принудительных мер медицинского характера» [2] стало важнейшим шагом на пути правильного применения уголовно-процессуального законодательства России в области применения принудительных мер медицинского характера. При этом, изданные разъяснения в постановлении не разрешили ряда важнейших проблем, а в отдельных случаях напротив усложнили правоприменительную практику.

Самостоятельным институтом уголовного права являются принудительные меры медицинского характера. Выделение уголовно-правовых предписаний, регламентирующих назначение, применение, основание продления, изменения и прекращения применения рассматриваемых мер, обусловлено существующей необходимостью их отграничения, с одной стороны, от института уголовного наказания, с другой стороны, от недобровольных мер психиатрического лечения, применяемых к психически больным лицам согласно с Законом РФ от 02.07.1992 № 3185-1 «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании» [3].

Глава 15 УК РФ содержит 8 статей (ст. 97 – 104), которые в себя включают 21 предписание, что говорит о достаточной регламентации принудительного лечения. В указанной главе перечислены основания применения принудительных мер медицинского характера (ст. 92), цели их применения (ст. 98), виды принудительных мер (ст. 99), приводится их характеристика (ст. 100 – 101), регламентирован порядок продления, изменения и прекращения применения (ст. 102), установлены особенности зачета времени принудительного лечения в срок уголовного наказания (ст. 103) и порядок применения принудительных мер медицинского характера, соединенных с исполнением уголовного наказания (ст. 104).

При этом современный УК РФ не регламентирует определения дефиниции «принудительные меры медицинского характера». До сих пор не увенчались успехом попытки сформулировать доктринальное определение рассматриваемых мер. Предложенные определения содержат как главные

(существенные), так и второстепенные (несущественные) признаки указанной дефиниции, а так называемые «полные определения» имеют чрезмерный объем, не отражают правовой природы принудительных мер медицинского характера и не могут быть применены законодателем в качестве легального понятия. Вместе с тем, субъекты, рассматривающие актуальные проблемы уголовного права, оставляют без внимания проблемные вопросы принудительных мер медицинского характера или не включают в их число проблему дефинирования ключевого определения, которое 7 раз используется законодателем в заголовках гл. 15 УК РФ и множество раз в текстах статей. Как видится, отмеченный законодательный пробел необходимо устранить. При этом изменить следует структуру главы, по причине того, что согласно с требованиями законодательной техники в большинстве глав Общей части УК РФ законодатель дефинирует ключевое определение, а в случае необходимости называет задачи и цели УК РФ (ч. 1 ст. 2), системных предписаний (ст. 4) и уголовно-правовых институтов (ст. 43). Институт принудительных мер медицинского характера, в отличие от иных уголовно-правовых институтов, не регламентирует определения ключевого концепта, но при этом в отдельной статье декларирует цели принудительных мер медицинского характера.

Для регулирования производства о применении принудительных мер медицинского характера наибольший интерес представляет условие: психическое расстройство должно иметь стадию, требующую обязательной изоляции. Как представляется, дефиниция «обязательная изоляция» является родовым по отношению к условию, закрепленному в ч. 2 ст. 433 УПК РФ: «Принудительные меры медицинского характера назначаются в случае, когда психическое расстройство лица связано с опасностью для него или других лиц либо возможностью причинения им иного существенного вреда».

Об опасности лица для себя или других лиц либо о возможности причинения этим лицом иного существенного вреда могут говорить не только названные Верховным Судом в названном выше Постановлении «склонность к совершению насильственных действий в отношении других лиц»; не только

склонность «к совершению иных общественно опасных действий, изъятию чужого имущества, поджогов, уничтожению либо повреждению имущества иными способами, но и «склонность» к неоднократному сбыту наркотических средств. Сбыт наркотических средств не относится к категории насильственных действий. Но вред этого вида противоправной деятельности во много раз выше, чем при совершении насильственных преступлений [4]. Конвенция ООН о борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ общественную опасность сбыта наркотических средств определяет в виде серьезной угрозы для здоровья и благополучия людей и разрушающего воздействия на экономические, культурные и политические основы общества [5]. Если не отнести действия лиц, страдающих психическим расстройством и сбывающих наркотические средства, к лицам, к которым в обязательном порядке должны быть применены принудительные меры медицинского характера, то на свободе будут оказываться лица, которые признаны невменяемыми и «не опасными для окружающих и себя самого». Нетрудно спрогнозировать развитие криминальной ситуации. В отношении лица, ранее освобожденного от уголовной ответственности и вновь задержанного за сбыт наркотических средств, вновь и вновь будут приниматься решения о прекращении уголовного дела. Общественная опасность от действий такого лица на свободе очевидна. Противодействие же деятельности указанной категории лиц по распространению наркотических средств при названных обстоятельствах практически исключается. Криминальная ситуация может трансформироваться в более сложную. Такая трансформация произойдет, если лицо с психическим расстройством как средство преступления станут использовать лица, организованные в преступную группу [6] по распространению наркотических средств.

Для того чтобы уголовно-правовые средства эффективно действовали в данной ситуации и в соответствии с требованиями Европейской конвенции при признании лица страдающим психическим расстройством, лишаящим его возможности осознавать фактический характер и общественную опасность

своих действий, суду необходимо вне зависимости от опасности психического заболевания назначать лицу принудительные меры медицинского характера. Но такое в целом правильное судебное решение должно иметь правовое основание. Аналогичные ситуации в суде могут возникать в отношении лиц, не только занимающихся сбытом наркотических средств, но и совершающих другие преступления, не связанные с принудительными действиями, но при этом являющиеся не менее общественно опасными: продажа оружия, призывы к совершению экстремистских действий и пр.

Для создания большей определенности при принятии судом решения о принудительные меры медицинского характера предлагаем следующую редакцию 2 абзаца пункта 17 Пленума: «Об опасности лица для себя или других лиц либо о возможности причинения этим лицом иного существенного вреда могут свидетельствовать характер психического расстройства, подтвержденного выводами судебно-психиатрической экспертизы, его склонность в связи с этим к совершению насильственных действий в отношении других лиц или к причинению вреда самому себе, к совершению иных общественно опасных действий (изъятию чужого имущества, поджогов, уничтожению или повреждению имущества иными способами; незаконные приобретение, передача, сбыт, хранение, перевозка или ношение взрывчатых веществ или взрывных устройств; незаконное изготовление оружия; незаконные производство, сбыт или пересылка наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов и пр.)» – и далее по тексту. То есть фактически авторы статьи предлагают различать два вида опасности: общественная опасность совершенного лицом преступления, что, безусловно, характеризует личность подсудимого, и опасность подсудимого для окружающих в силу его психического заболевания (состояния).

Постановление Пленума предлагается дополнить пунктом 32 следующего содержания: «32. В случае если лицо, у которого после совершения преступления психическое расстройство наступило в судебных стадиях и к которому была применена принудительная мера медицинского характера,

признано выздоровевшим, то суд, в производстве которого находилось уголовное дело о применении принудительных мер медицинского характера, на основании медицинского заключения в соответствии с п. 12 ст. 397 и ч. 3 ст. 396 УПК РФ выносит постановление о прекращении применения к данному лицу принудительной меры медицинского характера и решает вопрос о назначении судебного заседания (если психическое расстройство развилось на стадии подготовки материалов к судебному заседанию) или возобновлении судебного разбирательства (если болезнь развилась на стадии судебного разбирательства)».

Анализ ст. 437 УПК РФ позволяет констатировать, что законодатель оставил без разъяснения, кто может быть допущен по делу в качестве «лица, в отношении которого ведется производство о применении принудительных мер медицинского характера», момент его появления, а также каким процессуальным актом этот участник может быть допущен. Данные положения видятся нам принципиально значимыми и важными, так как из-за подобных упущений в действующем законодательстве достаточно сложно говорить о действительности гарантий прав и законных интересов исследуемого участника процесса. Кроме того, в УПК РФ имеются терминологические неточности: в ч. 3 ст. 163 среди прочего указано: «...либо выносит постановление о направлении уголовного дела в суд для решения вопроса о применении принудительных мер медицинского характера к лицу, совершившему преступление». Еще раз отметим, что лицо с психическими аномалиями в силу поражения волевой сферы психики не может проявлять вину в уголовно-правовом смысле. Один из элементов (виновность), составляющих понятие «преступление», отсутствует (ст. 14 УК РФ). Итак, такое лицо совершает не преступление, а запрещенное уголовным законом деяние. В данном случае требуется простая корректировка отмеченной правовой нормы.

Как известно, исследуемый участник в силу хронического психического расстройства испытывает затруднения в самостоятельной защите своих субъективных прав и законных интересов. Поэтому его процессуальные права

обоснованно корреспондируют с законным представителем в порядке ст. 437 УПК РФ. Деятельность законного представителя призвана оградить представляемое им лицо от незаконного ущемления прав и свобод со стороны следователя (суда). Однако исследование все той же правовой нормы позволяет сделать выводы, во-первых, об отсутствии момента появления в деле законного представителя, во-вторых, порядке и основаниях его отстранения в случае, если есть основания полагать, что его действия наносят ущерб интересам лица, страдающего психическими расстройствами. Полагаем, что его появление в деле должно быть определено по аналогии с моментом появления защитника в означенном производстве (ст. 438 УПК РФ), а вопрос об отстранении и допуске другого законного представителя – решаться по подобию с положениями, содержащимися в ч. 2 ст. 428 УПК РФ.

Литература

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001г. №174-ФЗ (в ред. от 29.07.2018) // Собрание законодательства РФ. 2001. №52(1). Ст. 4921.

2. Постановление Пленума Верховного суда РФ «О практике применения судами принудительных мер медицинского характера» от 07.04.2011 N 6 // Российская газета. 2011. № 84.

3. Закон РФ от 02.07.1992 N 3185-1 (ред. от 19.07.2018) «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании» // Ведомости СНД и ВС РФ. 1992. № 33. Ст. 1913. 20 августа.

4. Гусак В.А., Никулочкин Е.О., Сергеев А.Б. Особенности производства по уголовным делам при установлении обстоятельств, подтверждающих наличие подлежащих конфискации денежных средств и имущества, приобретенных в результате незаконного сбыта наркотических веществ. Челябинск, 2016.

5. Конвенция Организации Объединенных Наций о борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ:

заключена в г. Вене 20.12.1988 // Сборник международных договоров СССР и Российской Федерации. М., 1994. Вып. XLVII.

6. Драничникова Н.В. Временное отстранение от должности при расследовании преступлений коррупционной направленности и возмещение процессуальных издержек // Противодействие преступлениям коррупционной направленности: Сборник материалов Международной научно-практической конференции, посвященной выдающемуся российскому ученому Николаю Сергеевичу Алексееву / Под общ. ред. А.И. Бастрыкина. М., 2016.

© Бюллетень магистранта 2018 год №5